

А. А. Каменцев

**Самосознание казаков XVI–XVII вв. как фактор идентичности:
по материалам казачьего эпоса и фольклора**

DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10012

Аннотация: В статье рассмотрена проблема самосознания донских казаков в XVI–XVII вв. Это период формирования Войска Донского и пребывания его в политически независимом статусе вне пределов Российского государства. Также это период формирования качественно новой этносоциальной общности, выделившийся за счет обособленного компактного проживания на одной территории и ведения специфического типа хозяйствования — воинского промысла. Свой отпечаток накладывали экстремальные степные условия и постоянный культурный обмен с кочевым, горским и турецким миром.

Именно самосознание, выработанное за счет приобретаемых культурных и ментальных особенностей, и есть главнейший фактор идентичности. В статье проанализированы материалы казачьего эпоса и фольклора, дающие представление о самосознании этносоциальной группы, поскольку в них отражены культурные особенности общности и представляемая ею картина мира, осознание пройденного пути, историческая память. Уделяя внимание историографии данной проблемы, автор дискутирует с существующими москвоцентричными концепциями казачьего самосознания.

Ключевые слова: казаки, казачий эпос, этническая общность, идентичность, самосознание, казачья историография.

Об авторе: **Александр Андреевич Каменцев**

студент 4 курса Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: kazak_donskoy_spb@mail.ru

Ссылка на статью: Каменцев А. А. Самосознание казаков XVI–XVII вв. как фактор идентичности: по материалам казачьего эпоса и фольклора // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2019. № 1 (11). С. 147–160.

A. A. Kamentsev

Self-consciousness of the Cossacks of the 16th–17th centuries as a factor of identity: on the Materials of the Cossack Epic and Folklore

DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10012

Abstract: The article deals with the problem of self-consciousness of the Don Cossacks in the 16th–17th centuries. This is the period of the formation of the Don Army and its stay in a politically independent status outside the Russian state. This is also the period of the formation of a qualitatively new ethnosocial community, which emerged due to a separate compact residence on the same territory and the conduct of a specific type of business – military industry. Extreme steppe conditions and a constant cultural exchange with the nomadic, highland and Turkish world imposed their own imprint.

It is the self-consciousness developed at the expense of acquired cultural and mental peculiarities that is the main factor of identity. The article analyzes the materials of the Cossack epos and folklore, which give an idea of the self-consciousness of the ethnosocial group, since they reflect the cultural characteristics of the community and the picture of the world it represents, awareness of the path traveled, and historical memory. Paying attention to the historiography of this problem, the author discusses with the existing Moskvocentric concepts of Cossack identity.

Keywords: Cossacks, identity, Cossack epos, ethnic community, self-consciousness, Cossack's historiography.

About the author: **Alexander Andreevich Kamentsev**

4th year student of the Institute of History of St. Petersburg State University.

E-mail: kazak_donskoy_spb@mail.ru

Article link: Kamentsev A. A. Self-consciousness of the Cossacks of the 16th–17th centuries as a factor of identity: on the Materials of the Cossack Epic and Folklore. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2019, No. 1 (11), p. 147–160.

I. Портрет донского казачьего сообщества XVII века в историографических концептах

Прежде всего, следует определиться с самим значением понятия «казак». В словаре русского языка XI–XVII вв. приведено несколько определений этого слова. Оно имеет тюркское происхождение, изначально означавшее легковооруженного воина, представителя низшего разряда татарского войска. Там же даются другие определения, появившиеся позднее: «Вольный человек, кочующий с места на место, бродяга»; «представитель вольной военной общины с особым самоуправлением»; «служилый человек, несущий пограничную сторожевую службу по найму, на определенных условиях»; «вольный человек, свободный от тягла и работающий по найму». Более того, существовал глагол «казаковать», означавший вести образ жизни вольного казака, бродить, кочевать, совершать лихие набеги¹. С одной стороны, видно, что изначально «казак» было многозначным понятием, но во всех значениях общей характеристикой являются неотъемлемая воля, независимость. Из этого следует, что у казаков на раннем этапе не сложились представления об обязательном служении государю и об идеалах владения собственным участком земли.

Территория Дикого поля времен позднего Средневековья в современной историографии рассматривается как фронт. Определение этого понятия американские ученые Ламар и Томпсон в 1981 году сформулировали как «пространство, где происходит взаимопроникновение между обществами... Фронт открытывается в момент первого контакта между представителями обществ и закрывается, когда единая власть устанавливает политическое и экономическое господство над ними»². То есть это территория, где не действуют государственные, общественные нормы и порядки, а имеет место социальный и культурный вакуум. Такое пространство притягивало, конечно, пассионариев, лихих людей. В XVI – первой половине XVII вв. на Дон бежали в основном недовольные мелко-служилые люди и боевые холопы, знавшие военное дело. Этот тезис развивали в своих работах Р.Г. Скрынников (период правления Ивана Грозного), А.Л. Станиславский (период Смуты). В это время Дон представлял собой территорию, населенную мужскими воинскими сообществами, бродягами, жившими по принципу, отраженному в казачьей поговорке: «День мой – век мой»³. Имеется и другая поговорка, отражающая жизненную позицию казаков: «Руби меня, турецкая (татарская) сабля, но не тронь меня, боярская плеть!»⁴.

Пользуясь современной терминологией, можно определить донских казаков как субэтнос, который за счет особенностей быта локальной группы и приобретенных культурных отличий выделился из великорусского этноса. Ю.В. Бромлей указывает, что существование субэтноса связано с осознанием групповых особенностей тех или иных компонентов культуры. Происхождение таких групп далеко не одинаково. В одних случаях это бывшие этносы, постепенно утратившие роль основных этнических подразделений, в других – бывшие этнографические группы, осознавшие свою общность, в третьих – социальные общности, обладающие специфическими чертами культуры (например, донские казаки)⁵.

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 7. М., 1980. С. 15–16.

² Рыблова М.А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в. СПб., 2009. С. 45.

³ Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 384.

⁴ Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. С. 230.

⁵ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 48.

М. А. Рыблова считает, что ключевыми в определении «казакования» должны быть такие признаки, как выход за пределы социума, а также принадлежность к специфическим воинским группам. Институт казачества (наездничества) был широко распространен на обширных евразийских просторах, встречался у самых разных народов, в разных природных и хозяйственно-культурных средах, но всегда был связан с мужской частью населения и, как правило, был сопряжен с периодами ломки устоявшихся социальных и политических структур и создания новых⁶. В подтверждение этого тезиса можно привести пример курдов, которые изначально были иранскими свободными всадниками-кочевниками, то есть социальной категорией, а впоследствии стали этнической общностью, претендующей на независимость.

Разберемся более детально, из каких социальных и этно-конфессиональных групп формировалось население Дона в рассматриваемый период. В. А. Бахвалова придерживается точки зрения, что во второй половине XVII в. можно говорить о двух сложившихся группах в составе донского казачества. Преобладавшей численно и доминировавшей политически была восточнославянская (или русская) группа. Именно она определяла культурный облик казачества. Важную роль играла этническая ассимиляция с представителями неславянских этносов в казачьих общинах XVII в. Часть ногайцев, татар, турок принимала христианство, что сближало их с русской доминировавшей группой. Но это было вовсе необязательно, и наличие среди казаков калмыков-буддистов и горцев-мусульман опровергает стереотип о казачьей нетерпимости⁷.

В принципе, это повторение достаточно традиционной позиции по данному вопросу, выраженной еще В. Г. Дружининым в его работе «Раскол на Дону в конце XVII века». В ней автор указывал, что казачество на тот момент не представляло собой единого племенного целого, а было смесью различных этносов. Ядро составляли беглые выходцы из Московского государства — великорусы, значительным было и число выходцев из Малороссии. Так же состав казаков пополнялся татарами и греками, а от браков русских с пленными турчанками рождались тумы, то есть метисы. Принципиально важно, что население пополнялось и естественным путем. Как показывают распросные речи казаков, среди них встречались те, кто называл себя уже сыновьями казаков⁸. Это несомненно является признаком формирующегося самосознания. Но, в то же время, в данный период представление у всего населения о принадлежности к некоей национальной общности еще не были окончательно сформированы. Поскольку общность в масштабах целой страны — понятие довольно абстрактное, то для мышления подобными категориями необходим достаточный уровень образованности. Поэтому в подавляющем большинстве малограмотное крестьянское население России ощущало свою принадлежность к различным локальным группам с географической привязкой, не мысля себя причастным к единому русскому народу. Живя в традиционном обществе замкнутой общиной со своим хозяйством, человек не соотносил понятия Родины со всей страной, тем более не испытывал патриотического чувства к ней. Казаки, не имевшие в абсолютном большинстве никакого образования, и проживая в относительно небольшом количестве на берегах Дона, являлись локальной группой с определенным бытовым укладом, отличным от рода занятий основного населения России. Поэтому трудно согласиться с концепцией Н. А. Мининкова, изложенной в его монографии «Донское казачество в эпоху позднего Средневековья».

Н. А. Мининков высказывает мысль, что одной из наиболее важных черт личности и характера донского казака являлся ярко выраженный патриотизм. По его

⁶ Рыблова М. А. Мужские сообщества донских казаков... С. 38.

⁷ Бахвалова В. А. Традиционная культура донского казачества. Волгоград, 2009. С. 26.

⁸ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб, 1889. С. 2-4.

мнению, это чувство включало в себя любовь к своему отечеству — России, и к своему народу, что сочеталось с любовью к «малой родине» — Донской земле. Он считает, что казаки одинаково ощущали свою принадлежность и к России, и к Дону, и к русскому народу, и к своему войсковому братству. В источниках никогда не проявлялось стремление противопоставить казачество русскому народу, а Дон — России⁹. Автор приводит выдержки из повести об Азове, где можно видеть восхваление Московского государства и гордость за него перед врагом. Однако известно, что эта повесть была написана ради оказания влияния на принятие решения по азовской проблеме, то есть несла в себе определенные политические задачи. Литературный путь повести начался в первые месяцы 1642 г. в канцелярских кругах Посольского приказа, в среде людей, имевших служебное отношение к решению вопроса о принятии Азова под руку Московского государя¹⁰. К тому же и в тексте «Исторической повести» содержатся сведения о реальной причине взятия Азова: «Из того града Азова чинится много пакости российскому государству московской державе и нашим юртам»¹¹. Таким образом, очевидно, что первостепенная цель политики казаков — в создании более выгодных условий для «своих юртов», а интересы Москвы подгоняются под сложившуюся ситуацию. Да и, согласно царской грамоте донским казакам от 20 сентября 1637 г. с выговором за взятие Азова, Москва была совсем в этом не заинтересована. Захват турецкой территории и убийство направлявшегося к царю посла Фомы Кантакузина значительно накаляло отношения с султаном и ставило державы почти на грань войны. Более того, казакам было велено находиться с азовцами в мире, для чего было послано царское жалованье¹².

Н. А. Мининков утверждает, что в образе монарха для казаков персонифицировалось само государство, и царь выступал в качестве гаранта его единства и силы. К монархическим чувствам Н. А. Мининков относит выступление казаков против царей Бориса Годунова и Василия Шуйского, поскольку они считались незаконными. Но в то же время казаки поддерживали Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, считая их настоящими сыновьями Ивана Грозного¹³. Однако А. Л. Станиславский убедительно показал, что во время Смуты казаки преследовали свои политические и экономические выгоды, умело лавируя в изменяющихся условиях политического хаоса¹⁴.

Также Н. А. Мининков, отмечая крайнюю религиозность казаков, видит в них идеальных защитников Православия, сражавшихся за веру, абсолютизируя тем самым казачье единство, которое вовсе не было константой в конце XVII в. Автора не смущают совместные действия части казаков с ногаями, калмыками, горцами. Эти казаки во второй половине XVII в., в связи с церковным расколом и междоусобицами на Дону, ушли на Правобережную Кубань во владения Крымского хана, Северо-Восточную Кубань во владения Тарковского шамхала, на Северо-Западный Кавказ¹⁵. При этом Н. А. Мининков говорит об этнической пестроте казачества, о нахождении в его составе мусульман, что, как думается, противоречит вышеописанным религиозным качествам казаков. Не смущает автора и тот факт, что казаки не раз заявляли о готовности покинуть Дон и перейти на службу к турецкому султану. Он считает,

⁹ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 432.

¹⁰ Робинсон А. Н. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. // ТОДРЛ. М., 1948. Т. 6. С. 39.

¹¹ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове: тексты. М., 1906. С. 53.

¹² Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898. С. 567–568.

¹³ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 433–434.

¹⁴ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990. С. 243.

¹⁵ Сень Д. В. Славянское население Дона и Северо-Западного Кавказа в конце XVII в. — начале XVIII в. // http://www.cossackdom.com/articles/s/sen_slavyane0308.htm (дата обращения 06.06.2018 г.).

что казаки таким образом хотели обратить внимание правительства на свое тяжелое положение. Более того, Н. А. Мининков, говоря о религиозном консерватизме всего казачьего сообщества и отстаивании им православных идеалов, противоречит себе, поскольку в то же время «потребовалась кровопролитная братоубийственная война между казаками 1688–1689 гг., чтобы позиции реформированной церкви на Дону укрепились, хотя и после нее значительная часть казаков оставалась приверженной старой вере»¹⁶.

Следующий кейс, о котором говорит исследователь — политика Войска Донского по отношению к Османской империи. По мнению Н. А. Мининкова, «характер этих действий определялся тем, что взгляд казаков на борьбу с Турцией и Крымом и на свое место в ней соответствовал не правительственному, а народному воззрению. Народ России и Украины, терпевший так много от этого врага, считал полезным и оправданным любое боевое предприятие против него»¹⁷. Представляется очевидным, что категории «народное воззрение», особенно по вопросам внешней политики, в ту пору еще не существовало. Казаки, ведомые своей военно-политической элитой — иначе говоря, казачьим старшиной, — руководствовались собственными материальными, предельно прагматическими целями. Их действия, как справедливо замечает Н. А. Мининков, зачастую расходились с правительственным курсом, но отнюдь не были продиктованы какими-то народными представлениями.

Наконец, в выводах своей работы Н. А. Мининков указывает, что казаки сознавали себя как рыцарское сообщество, которое видит свою задачу в защите православной веры, Российского государства, его государя и народа¹⁸. Данные тезисы представляются несколько идеализированными, и даже наивными, не отвечающими реалиям того времени. Выше говорилось о том, что казаки на раннем этапе своего существования действовали, исходя из собственных интересов, которые зачастую расходились с курсом центрального правительства, а уж тем более с интересами выдуманной народной общности.

В новейшей отечественной историографии делаются попытки преодолеть границы москвоцентричного взгляда на роль казачества XVII в. В своем историографическом обзоре В. И. Маслак пересказывает концепцию фронта, которую развивает в своих работах ростовский историк Д. В. Сень¹⁹. Исследователь показывает частые случаи миграции донцов в Азов и Крым, сопровождавшиеся или не сопровождавшиеся религиозной конверсией, реакцию казаков на такие жизненные стратегии членов донского братства, аналогичные практики переселения азовцев, татар, ногайцев на территорию Войска Донского. Основной вывод состоит в том, что монолитность противостояния «казачьего мира» мусульманскому присутствию в регионе — исторический и историографический миф. Интеграция же казачьих анклавов в состав Российского государства представляется как реализация одного из возможных сценариев, а не единственная данность²⁰.

¹⁶ Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 438.

¹⁷ Там же. С. 447.

¹⁸ Там же. С. 463.

¹⁹ См.: Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоение пространства (1690-е гг. — начало XVIII в.) М., 2011; Из «вольных» казаков в подданные крымских ханов: казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII — начале XVIII в. М., 2011; «Другие славяне»: ахреяне Приазовья и Кубани XVII — начале XVIII в. Одесса, 2012; Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII — начале XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2009.

²⁰ Маслак В. И. Опция степного фронта Европы в современном российском и украинском казачеведении // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 4. С. 301–303.

Американский исследователь Б. Боук указывает, что раннее донское казачество представляет собой качественно новое этносоциальное образование, сложившееся в регионе, находящемся на стыке двух культурных миров, без четких границ. Поэтому границы этничности казаков «были довольно зыбкие, и не вполне ясно, насколько они совпадали с русской идентичностью. Уже к концу семнадцатого века можно говорить о появлении каких-то признаков донской казачьей этнической идентичности», например, упоминание в документах «природных казаков», казачьи ограничения на вступление в их ряды²¹. Современный отечественный историк, изучающий донское казачество XVII в., О. Ю. Куц отчасти соглашается, что его собственные рассуждения укладываются в концепцию Боука, но выражает сомнения в зыбкости границ этнической идентичности. В качестве аргумента он приводит отсутствие в источниках второй трети XVII в. противопоставления казаков жителям Русского государства. Автор утверждает, что, «если казак был русским по происхождению, то он, и будучи казаком, оставался «русским человеком»²².

Подводя промежуточные итоги, можно утверждать, что, во-первых, в рассматриваемый период в народной массе еще не сложилось четкого национального самосознания, и люди относили себя к локальным группам. Процесс интеграции в ряды казаков проходил не в один день, поэтому в начальный этап вхождения в казачье сообщество человек мог соотносить себя с прежним местом жительства — с Русью. Во-вторых, поддерживая тезис Б. Боука, можно заметить, что есть документальные свидетельства о самоопределении казаков в последней трети XVII века. Например, выписка из отписки в Посольский приказ 29 ноября 1676 г., опубликованная В. Г. Дружининым: «по допросу тот малой сказался Донского Паншина городка казачий сын, Ивашком зовут»²³.

К тому же, как показал А. Ю. Дворниченко, казаки на раннем этапе обладали достаточными социальными и политическими чертами для формирования собственной государственности, находились на ранней стадии политогенеза²⁴. Казаки имели свои собственные законы, основанные, конечно, на понятиях обычного права. У них была независимая армия — войско. Также они обладали определенной территорией, на которой расселялись, вели самостоятельную активную внешнюю политику, зачастую шедшую вразрез с интересами Москвы. Налоговая система практически отсутствовала, так как поступавшая прибыль «дуванилась» между всеми членами сообщества. Конечно, нельзя говорить об отдельном государстве казачьего народа, но, тем не менее, для того, чтобы находиться на пути построения собственного государства, необходимо обладать самосознанием, противопоставляющим себя другим.

II. Социальное, этническое, религиозное самосознание казаков, отраженное в их эпосе

Традиционная (народная) культура представляет собой общий интегратор всех сторон жизни определенного этноса. Именно она вырабатывает универсальные образы, символы, идеи, способные выразить целостность мира. Посмотрим, как самоопределение казаков отражалось в народном эпосе, исторических песнях донцов.

²¹ Boeck B. J. *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. New York, 2009, p. 15–18.

²² Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 407.

²³ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. С. 4.

²⁴ Дворниченко А. Ю. К истории ранних казачьих сообществ // Вестник СПбГУ. 1995. Сер. 2. № 2. С. 22–23.

Народная культура казаков пропитана христианскими образами, настолько смешанными с бытовыми элементами, что получила специальное название — народное христианство. В общем-то, это типичная ситуация для всей русской культуры XVI–XVIII вв.²⁵ Эпос в целом, включая былины, исторические песни, повести, был своего рода учебником истории, единственным источником информации о прошлом, доступным простым людям на тот момент. Ответы на вопросы: «Кто мы?», «Что было?», хранились именно там.

Казачий эпос, безусловно, вышел из общерусского эпоса, что подтверждают в своих исследованиях А. Н. Иванов²⁶ и В. А. Бахвалова²⁷. Однако он имеет ряд особенностей. Для казачьих песен характерны природные и звериные мотивы именно Донского края, а также особая роль самого Дона, почтительно называемого Ивановичем. Дон-батюшка выступал мифическим прародителем казачества. Казачьи песни — исключительно мужские и воинские, где наибольший спектр значений и смысловых трансформаций дают слова: Дон, казак, служба, слава. В песенной культуре казак — это сын Вольного Дона. Именно Дон в песнях выступал образом Родины, военного казачьего житья²⁸. Образ степи — это олицетворение воли, широты души и, одновременно, источник опасности, другой мир. Своей территорией казаки считали берега реки, степь же казалась чужой. Противопоставление свой-чужой в казачьем фольклоре моделируется через образ «река-степь»²⁹.

Казачий эпос относится к адаптивному типу культурного наследования³⁰. Древнерусские былины перекладывались на реалии казачьей жизни, приобретая новые смыслы. Например, в северной былине «Илья Муромец и разбойники» рассказывается о борьбе богатыря со злом в виде разбоя, тогда как на Дону эта былина была переработана в сюжет «Казак наезжает на разбойников». Илью Муромца заменяет старый казак, который «наезжает на охотничков» и просит «взять его в сотоварищи». Разбойникам здесь уже выказывается сочувствие, ведь по духу казачье население на раннем этапе было близко к лихому люду, во многом формируясь из него.

Аналогично, образ Добрыни Никитича был особо близок казакам, которые, как и богатырь, обставляли свои дома, семьи и «казаковали на поле». Добрыне было дано новое прозвище Дончак, подчеркивавшее его казачью принадлежность. В текстах былин появляются казачьи понятия и образы. Например, в былине «По полюшку было Куликовскому» рассказывается о том, как Добрыня «загулялся», а его жена ушла к другому — к Алеше Поповичу, который называется «горьким пьяницей и бабьим насмешником, да девичьим прелестником». Сюжет сам по себе был близок казакам, во время длительного отсутствия которых дома всякое могло произойти. В текстах используются казачьи слова и понятия. Например, Добрыня «оседлал все черкесским седлом», что для русского человека было бы совсем непонятно, но для казака — это привычный образ. Далее, в сюжете «Ой, да ходил-то Добрыня» говорится о том, что он возвращается с полеванья, «ходил-то по чисту полю да по синю морю ровно тридцать лет да три года». В другой вариации: «вот и пил, гулял млад Добрынюшка ровно тридцать годов». Сюжеты «Ай, вот и, ну, просился раз добрый Добрынюшка» и «Поизволила меня маменька» повествуют о том, как герой просит у матери разрешения, чтобы

²⁵ Рудиченко Т. С. Христианская традиция и фольклор донских казаков // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. Сер. 2. № 2. С. 365–366.

²⁶ Иванов А. Н. Системно-теоретические проблемы казачьего эпоса. М., 2012. С. 63.

²⁷ Бахвалова В. А. Традиционная культура донского казачества. С. 80–81.

²⁸ Там же. С. 114.

²⁹ Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону, 2004. С. 33.

³⁰ Иванов А. Н. Системно-теоретические проблемы казачьего эпоса. М., 2012. С. 22.

«поохотничать, в поле показывать». Мать в итоге «поизволила-то во охотнички, да вот те было да охотнички — во разбойнички. Да охотушку держал ровно тридцать лет». «Ой, как ходил-то Дончак» рассказывает нам, что Дончак-Добрыня тридцать три года ходил по иным землям, «по Туретчине». В конце концов ему «дуже грустно-лося», и он решает возвращаться к отцу, матери, жене, к «роду-к племени». Седлает коня все тем же черкесским седлом, приезжает домой и узнает об уходе жены к Алеше Поповичу³¹. Таким образом, мы видим, что во всех сюжетах говорится о молодецком гулянии и казаковании в поле, походах в чужие края. Герой — собирательный образ казака — занимается разбойным промыслом вдали от дома, нет ни слова о службе государю или Родине, присутствуют исключительно личные интересы. Но красной нитью проходит идея возвращения домой, то есть в головах у казаков сидела память о когда-то покинутом родном дворе и семье. Все же вольная жизнь в мужском братстве не была так уж сладка, поэтому со временем казаки стали заводить себе жен, а кто-то пытался перевезти на Дон оставленную семью.

Генерал А. И. Ригельман, автор одного из первых трудов о казаках, приводит легенду об их происхождении, рассказанную ему одним верховым донцом. Суть ее в том, что «заведение их народа произошло от одного человека, имевшего охоту бить зверей и с тем промыслом, переходя с места на место, осел на реке Дон». Пользуясь благоприятными для охоты условиями, он построил себе дом в устье Дона и стал со своим добытым товаром ездить в жилые места для торговли. Тамошним людям свобододобивый охотник приглянулся, они оценили перспективность подобной жизни и стали один за другим перебираться к нему на Дон. «Наконец, тот начальник сделался их атаманом, и, скопляючись, таким образом, прибылыми и рождающимися, у них стало их число великое, и жили свободно, не будучи подвластны, или дань платя кому»³². В данной легенде, записанной в 1780-е гг., абсолютно неясно, кем себя считали казаки в этническом плане. Но четко видно, что в социальном смысле мыслили себя исключительно свободными, никому не подвластными (в своем идеализированном прошлом, конечно). Следует отметить, что мифическим основателем «народа» выступал охотник, а не лихой разбойник или бежавший служилый человек. Здесь можно усмотреть стремление к легализации своего прошлого, желание показать его естественным развитием, подобно происхождению общечеловеческой цивилизации.

В произведении другого жанра — повести из азовского цикла — дается абсолютно ясное самоопределение. Но это произведение авторское и политически ангажированное. Первоначальный вариант повести был написан в первые месяцы 1642 г. казачьим дьяком Ф. Порошиным, представителем казачьей интеллектуальной элиты, с целью влияния на принятие решения по азовской проблеме. Литературный путь повести начался в канцелярских кругах Посольского приказа, в среде людей, имевших служебное отношение к решению вопроса о принятии Азова под руку Московского государя. В историографии известны четыре редакции «Поэтической повести об Азовском сидении», они были опубликованы и подвергнуты тщательному текстологическому анализу А. С. Орловым. Все редакции восходят к одному прототипу, причем ближе всего к оригиналу первая и вторая, написанные в конце XVII в. Этот источник безусловно заслуживает внимания. Рукопись второй редакции сохранила наиболее полное содержание по интересующей нас теме.

Отрывок из «Поэтической повести...» второй редакции представляет казаков в следующем виде: «А мы люди Божьи, надежда у нас вся на Бога и Матерь Божию

³¹ Листопадов А. М. Былинно-песенное творчество Дона. Ростов-на-Дону, 1948. С. 18–25.

³² Ригельман А. И. Повествование о донских казаках. М., 1846. С. 1–2.

Богородицу, и на иных угодников, и на всю братию и товарищей своих, которые у нас на Дону в городках живут. А холопы мы природные государя царя христианского царства Московского, а прозвище наше вечно: казачество вольное и донское бесстрашное... А нас на Руси не почитают и за пса смердящего. Сбегаем мы из того государства Московского из работы вечной, из холопства невольного, от бояр и от дворян государевых»³³.

Четко видно, что в середине XVII в. казаки осознавали свое происхождение из русской земли, откуда в подавляющем большинстве они и были. Но также очевидно, что они отделяли себя от жителей Руси, используя определение «казачество вольное и донское». Конечно, здесь еще нельзя увидеть этнической идентичности, но локальную группу, проживавшую на Дону и занимавшуюся воинским промыслом — вполне. Безусловным объединяющим фактором была, конечно, религия. Религиозной риторикой пропитано содержание всех повестей азовского цикла. В «Исторической повести» говорится, что «есть же от града Азова верст с тридцать и больше по той же преславущей реке Дону в верх живет вольное казачество великое донское войско православной христианской веры московской области»³⁴. Православие служило идеологическим оправданием авантюры со взятием Азова: «Азов однолично взять и утвердить по-прежнему истинную нашу православную христианскую веру словенского языка, а живущих в нем поганского языка бусурманской веры под меч подклонить»³⁵; «те азовцы впредь в Российской земле церкви Божьи не разоряли православных христиан, братьев и сестер наших, под меч не клонили и в плен к себе в работу не водили и в свою бусурманскую веру лестью не превращали»³⁶. Почти те же слова содержатся и в войсковой отписке о взятии казаками Азова от 3 декабря 1637 г.: «И они, Азовские люди, искони поругалися нашей истинной православной крестьянской вере, и за море отец и братию, и сестер наших продавали на каторги и корабли»³⁷.

Поскольку религиозные представления в ту эпоху доминировали в картине мира, в «Поэтической повести...» присутствует тема покаяния, стремление искупления греха подвигом «за други своя». Об этом говорит сцена прощания казаков перед ожидаемой смертью от страшного турецкого штурма: «Прости нас холопов своих грешных, государь Михаил Федорович, вели помянуть души наши грешные. Простите государи все патриархи вселенские. Простите, государи все митрополиты и архиепископы, и архимандриты, и игумены. Простите, государи православных христиан, помяните наши души грешные. Простите нас, леса темные и дубравы зеленые. Простите нас, поля чистые и тихие заводи. Простите нас, море Черное. Прости нас, государь наш тихий Дон Иванович, уже нам по тебе атаману нашему с грозным войском не ездить, дикого зверя в чистом поле не стрелять, в тихом Дону Ивановиче рыбы не ловить»³⁸. Таким образом, казаки прощаются как с миром земным, так и с миром небесным. Но также отсюда видно, что родной землей для них является именно Дон.

В повести рассказывается, что во время взятия города в войске появился казак, родом из немецкой земли, именем Иван. И атаман Михайло Иванов (прозвище Татарин) и все войско стали Ивану бить челом, чтобы под стену Азова подкоп повел. Мастер Иван сделал два подкопа, благодаря ему удалось пробить стену, и казаки взяли город. Не столь важно, было ли все так на самом деле, важно, что человек из любого края при желании мог стать членом казачьего сообщества. Определяющим

³³ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 137.

³⁴ Там же. С. 52.

³⁵ Там же. С. 54.

³⁶ Там же. С. 57.

³⁷ Донские дела. Кн. 1. С. 636–637.

³⁸ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 153.

становилась именно принадлежность к Донскому войску, и, таким образом, вырабатывалась новая идентичность. Процедура принятия в донское казачье братство представлена в балладе «Беглый княжич», где опальный отрок бежал из Москвы и, попав к казакам, отвечает на вопрос, кто он и откуда:

«Тихий Дон-река — мой отец родной,
Сырая земля — родная матушка,
Соловей в бору — родимый мой брат,
Кукушка в лесу — сестрица моя,
Белая березушка — жена молода,
От нее отростушки — мои детушки!»³⁹

Из текста видно, что вступающий в ряды сообщества отрывается от всей прошлой жизни, становится частью казачьего братства, сжигая все мосты. Таким образом, происхождение человека становится неважным, важна только настоящая принадлежность, теперь она является определяющей для личности.

Еще одним интересным моментом в «Поэтической повести...», на наш взгляд, является следующий пассаж: «И тут бы собралось его государевых русских людей с одной той крайины больше легиона тысяч. Дакиево государевы люди украинцы то они подобны и яростны на вас»⁴⁰. Национальная идентичность еще, как видно, не вполне сформировалась, поскольку «русские» и «украинцы» здесь тождественны. В этом отрывке можно усмотреть наличие градации по зонам проживания: внутренние области Московского государства — русские, граница — украинцы, поле — казаки, но все они были выходцами из одного русского этноса. В дальнейшем, в ходе естественного исторического процесса и действий Российского государства казаки превратятся в субэтнос.

Еще одним интересующим нас жанром являются исторические казачьи песни, повествующие о событиях XVI–XVII вв. Особенность данного источника в том, «что песни отражают в форме конкретно-исторических сюжетов реальные политические конфликты характерные для данного исторического момента и важные для народа»⁴¹. По замечанию исследовательницы донского фольклора О. В. Капли, историческим песням донских казаков, в отличие от общерусских, свойственна более точная передача исторических фактов, характеров исторических героев, оценка социальных противоречий. Исторический казачий фольклор XVI в. объединяет социальная тематика — прославление вольных людей, свободной жизни, достойное поведение в переговорах с царем и признание героических подвигов казаков в военных походах. Главными противниками выступают купцы да бояре, «большие люди». В XVII веке, вместе с выделением зажиточной казачьей старшины, разгорается уже и межказачий конфликт, отраженный в народном творчестве. Центральной фигурой становится Степан Разин — защитник всех угнетенных. В образе атамана запечатлены лучшие качества, которыми должен обладать казак — отвага, честь, целеустремленность, мудрость⁴². Это свидетельствует о формировании национального мифа, создании некоего идеала, золотого прошлого, отраженного в эпосе и народной культуре.

Исторические песни XVI–XVII вв. разбиваются на два цикла: ермаковский и разинский, по именам двух главных героев-атаманов. Стоит сказать, что творчество, посвященное эпохе Разина, гораздо богаче и разнообразнее. Конечно, события,

³⁹ Рыблова М. А. Мужские сообщества донских казаков... С. 261.

⁴⁰ Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове. С. 139.

⁴¹ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М., 1960. С. 8.

⁴² Капля О. В. Исторический фольклор в культуре донского казачества. Волгоград, 2011. С. 25.

описываемые в песнях, имеют мало общего с реальностью, но для данного исследования важно именно самосознание казаков, то, как они представляли свое прошлое.

Цикл начинается с рассказа, как Ермака выбирают атаманом собравшиеся во единый круг на речке Камышенке, что между Волгой и Доном, «все донские, гребенские, казаки яйцкие». События описываются без какой-либо временной привязки, но четко говорится о социальном статусе предков — они люди вольные. Ермак в песнях — старик а не глупый казак, что отражает архаичный принцип выбора лидера, — опытного и мудрого. Дальше казаки решают, где им зимовать:

«На Тихой Дон идти, нам ворами слыть,
Как ворами-то слыть, — нам быть переловленными,
Да по крепким тюрьмам быть посаженным».

В исторической памяти казаков их родоначальники были все-таки разбойниками, скрывавшимися от правительства. Но для казаков гораздо важнее был их статус свободных, неподвластных людей. Это видно и из следующего сюжета — «Ой, как проходит, ребята, лето теплое» (Ермак под Казанью). После того, как Ермак «гулял по чисту полю, по синю морю», он решил с войском идти к Казани, чтобы помочь Ивану Грозному взять город. То есть, фактически являясь изгоями, казаки выступили в роли независимого союзника царя, и, благодаря исключительно их действиям, город был взят. За это Иван Васильевич «пожаловал казаков донских Тихим Доном с Донцом вот со проточинами, с соляными озерами»⁴³. В сюжете «Ермак и Ицламбер-мурза» поднят вопрос социального неравенства казаков, атамана, и князей с боярами. Вошедший в шатер Ицламбер-мурза поздоровался со всеми, кроме Ермака, символически принизив казака по сравнению со знатными людьми. Атаману это крайне не понравилось и он просто-напросто снес мурзе голову. Таким образом, показана борьба казаков за признание равного статуса. Таким образом, основными мотивами этого цикла являются казачья воля, боевая слава, равные отношения с царем. При этом противоречия внутри казачества не показаны.

С самого начала разинского цикла обозначается проблема взаимоотношений гольтыбы и больших господ, поскольку причиной выступления было как раз расслоение увеличившегося населения Дона. Масса рядовых казаков лишилась возможности приобретать необходимые материальные блага и средства к существованию за счет самовольных военных походов. А поставляемое из Москвы жалованье оседало в руках казацкой старшины. Степан Разин, «атаманушка с гольтыбушкой», стал лидером низового движения и в сознании казаков остался защитником всех угнетенных. В цикле имеется большое количество сюжетов о разбойном промысле на море, как на Черном, так и на Каспийском. Основным объектом грабежей выступают турки, что неслучайно: именно они были основным образом врага казаков вплоть до начала XX в., когда и был записан основной блок песен. Даже когда Разин сидит в турецкой тюрьме в Азове, он грозит султану приходом своих товарищей — донских казаков. В другой песне на эту же тему Разин предстает в образе сокола в неволе, и очевидно противопоставление ясного соколика и черных воронов, насмехающихся над ним. Заглавной идеей здесь выступают следующие строчки: «Ой да, отстоим же мы, братцы-сотоварищи, ой да, жизнь мы вольную да свободную». Разинские товарищи изображаются как «охотнички», «гулебчики», «казачки-молодчики — разинские работнички»⁴⁴. Вольная жизнь — основная цель казаков, им нечего терять. Сам Степан Тимофеевич

⁴³ Листопадов А. М. Былинно-песенное творчество Дона. С. 85–87.

⁴⁴ Там же. С. 94–121.

наделен всеми лучшими качествами казака: честью, отвагой, удастью, мудростью, свободолюбием. Его образ является казачьим идеалом, в котором воплотился золотой век казачества, утратившего к концу XVII в. былую вольность.

В своем исследовании М. А. Рыблова приходит к выводу, что идея служения казачьим царю-батюшке и государству Российскому в казачьем фольклоре, как и вообще социальные мотивы, являются основополагающими⁴⁵. Так ли это? Проанализировав произведения казачьего эпоса и фольклора, относящиеся к XVI–XVII вв., можно отметить следующее. Во-первых, можно говорить о формировании у казаков новой идентичности, базирующейся на принадлежности к Войску и проживании на территории Дона. Во-вторых, главной темой в казачьем фольклоре в рассматриваемый период являлась свобода, подчеркнутая казачья вольница. Культ службы государю и России еще не сложился. В-третьих, народная культура пропитана христианскими мотивами и отражает религиозную картину мира.

Подводя общие итоги, можно утверждать, что казаки к концу XVII в. являли собой качественно новое этносоциальное образование, члены которого имели самосознание, отличное от населения Московского государства. Есть документальные свидетельства, в которых люди сознают себя природными казаками. Кажется убедительной концепция фронта, сформулированная в работах Б. Боука и Д. Сеня, в которой Дон выступает территорией соприкосновения культур, не имеющей четких границ, из-за чего население Придонья приобрело новую идентичность. Самосознание казаков четко прослеживается через их фольклор. Важно, что человек, вступающий в казачье сообщество, порывал с прошлым, его происхождение становилось неважным, становилась важной только его принадлежность к Войску и Донской земле. По этой причине идея служения царю и России в рассматриваемый период еще была далека от появления. По ряду признаков казаки находились на ранней стадии политогенеза, имея неплохие шансы построить собственное государство. Конечно, суверенной Донской республики не появилось, но, чтобы находиться на пути построения собственного государства, необходимо обладать самосознанием, противопоставляющим себя другим.

Источники и литература

1. Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898.
2. *Листопадов А. М.* Былинно-песенное творчество Дона. Ростов-на-Дону, 1948.
3. *Орлов А. С.* Исторические и поэтические повести об Азове: Тексты. М., 1906.
4. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Т. 7. М., 1980.
5. *Бахвалова В. А.* Традиционная культура донского казачества. Волгоград, 2009.
6. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981.
7. *Дворниченко А. Ю.* К истории ранних казачьих сообществ // Вестник СПбГУ. 1995. Сер. 2. № 2. С. 18–25.
8. *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.
9. *Иванов А. Н.* Системно-теоретические проблемы казачьего эпоса. М., 2012.
10. *Капля О. В.* Исторический фольклор в культуре донского казачества. Волгоград, 2011.
11. *Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009.
12. *Маслак В. И.* Опция степного фронта Европы в современном российском и украинском казачестве // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 4. С. 297–306.

⁴⁵ *Рыблова М. А.* Мужские сообщества донских казаков... С. 293.

13. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998.
14. Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М., 1960.
15. Ригельман А. И. Повествование о донских казаках. М., 1846.
16. Робинсон А. Н. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. // ТОДРЛ. М., 1948. Т. 6. С. 24–59.
17. Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону, 2004.
18. Рудиченко Т. С. Христианская традиция и фольклор донских казаков // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. Сер. 2. № 2. С. 365–370.
19. Рыблова М. А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в. СПб., 2009.
20. Сень Д. В. Славянское население Дона и Северо-Западного Кавказа в конце XVII в. – начале XVIII в. // http://www.cossackdom.com/articles/s/sen_slavyane0308.htm (дата обращения 06.06.2018 г.).
21. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990.
22. Воеck В. J. *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. New York, 2009.